

ПРЕСТУПНИК,
КОТОРОМУ
НЕТ
РАВНЫХ

На дверях одного из домов висела женщина – очередная жертва убийцы. На этот раз мерзавец прибил ее к дверям, выходящим во внутренний дворик.

Чингиз Абдуллаев

Путешествие
по
Апеннинам

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

**Ангел боли: Путешествие
по Апеннинам**

«PEN-клуб»

2004

Абдуллаев Ч. А.

Ангел боли: Путешествие по Апеннинам / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2004 — (Дронго)

Лучшие сыщики Европы, в том числе знаменитый Дронго, ищут «стаффордского мясника» – неуловимого маньяка. Убийца заранее сообщает, где и когда растерзает свою очередную жертву, и всякий раз, исполнив свой ритуал, виртуозно исчезает. Дронго уже вышел на след маньяка, он преследует его по узким улицам Флоренции, и кажется, что вот-вот настигнет преступника. Но «мясник», словно насмехаясь над сыщиком, распял молодую женщину и в очередной раз бесследно исчез. Следующий город кровавого жертвоприношения – Венеция. Дронго выезжает туда...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чингиз Абдуллаев

Путешествие по Апеннинам

Детям до шестнадцати лет читать запрещается. К большому сожалению автора, многие описанные преступления, как и имена преступников, соответствуют действительности.

Глава 1

Он приезжал в Баку, чтобы побыть в полном одиночестве. Отключал телефон, не смотрел телевизор, не получал газет. Его окружали только безмолвие и книги, которые заменяли многих друзей. Единственной связью с внешним миром был лишь водитель, привозивший еду, да мобильный телефон, номер которого знал Джил в Италии и Эдгар Вейдеманис в Москве. Только эти два человека могли найти его в случае необходимости. Дронго наслаждался тишиной и покоем, читал книги и однажды с удивлением обнаружил, что забыл побриться и что не выходил из дома вот уже трое суток.

В Москве такое было бы невозможно, в Риме тоже. В Москве на него обычно наваливалось множество дел и его находили по всякому поводу и без повода. Но в Баку удавалось побыть в одиночестве, не привлекая излишнего внимания. Однако долго пребывать в блаженном состоянии «нирваны» и тут не позволили. В тот самый день, когда он недовольно провел рукой по лицу, уколовшись щетиной, зазвонил мобильный аппарат. Дронго поднял его, уже понимая, что это Вейдеманис. Джил обычно звонила по вечерам, зная, что в этот момент он либо сидит в своем кабинете перед компьютером, либо читает книгу. В три часа дня мог позвонить только Эдгар.

– Слушаю, – сказал Дронго.

– Здравствуй, – он узнал характерный приглушенный голос Вейдеманиса, – тебя срочно ищут представители Интерпола.

– Ну и пусть ищут, – меланхолично ответил Дронго. Он как раз закончил читать роман Мишеля Уэльбека «Платформа» и был под впечатлением прочитанного.

– Похоже, у них важное дело. Звонят по всем телефонам...

– Скажи, что у меня депрессия, – пробормотал Дронго, – мне не очень хочется с кем-либо встречаться.

– Ты не знаешь, кто приехал в Москву, – несколько возбужденно произнес обычно спокойный Эдгар, – твой большой друг комиссар Брюлей из Парижа.

– Брюлей? – удивился Дронго. – Сам прилетел в Москву?

– Да. И не один. С ним еще двое представителей Интерпола и частный детектив из Лондона. Догадываешься, кто именно?

– Если скажешь, что Доул, я тебе не поверю, – пробормотал Дронго.

– Представь, именно он. Все они остановились в отеле «Националь» и настойчиво разыскивают тебя. Все четверо. Теперь понимаешь, почему я тебе звоню?

Дезире Брюлей и Мишель Доул были не просто его друзьями. Они были его наставниками и строгими учителями. Оба старше Дронго лет на тридцать, они считались лучшими профессионалами в Европе. И уж если оба эти старика приехали за ним в Москву, значит, дело, которым они занимаются, не просто исключительно важное, а не терпящее отлагательств.

– Случилось что-то чрезвычайное?

– Я тоже так подумал, но они ничего не говорят. Только сообщили, что им срочно нужны ты.

– Можешь дать мне телефон этого отеля? – поинтересовался Дронго, уже заметно волнуясь.

– Я тебе его уже приготовил, – ответил всегда предусмотрительный Вейдеманис. – Записывай: 258-70-00. Не забудь набрать семерку и ноль девяносто пять.

– Ну, это я еще помню.

Дронго отключил мобильник, не записав номера телефона. Пока память редко его подводила – он помнил огромное количество номеров, которые когда-либо слышал, включая шестнадцатизначные номера своих кредитных карточек. Дронго набрал номер отеля «Националь» и попросил дежурного оператора гостиницы связать его с номером господина Доула или месье Брюлея. И через секунду он услышал голос Мишеля Доула.

– Добрый день, – поздоровался Дронго. Еще минуту назад он не хотел ни с кем разговаривать, но этим людям не мог не перезвонить. И не только потому, что они приехали в Москву. Он уже понял, что произошло нечто абсолютно непредсказуемое.

– Здравствуйте, я рад вас слышать. Можете себе представить, что мы с комиссаром выиграли бутылку виски у наших коллег из Интерпола благодаря вашему звонку.

– На что поспорили?

– На вас, – рассмеялся Доул, – мы с комиссаром были уверены, что вы перезвоните нам, как только узнаете, что мы прилетели в Москву, а наши коллеги считали, что вас нужно разыскивать через национальные отделения Интерпола.

– Мне только что позвонил Эдгар.

– Знаю. Наш друг комиссар Брюлей нашел его пять минут назад. Он был уверен, что Вейдеманису известно, как вас найти. Мы засекали время, и вот вы перезвонили ровно через пять минут.

– Я рад вас слышать, – признался Дронго.

– Так рады, что давно не звонили ни ему и ни мне? Учитывая разницу в возрасте, мне казалось, что вы должны были бы проявлять большее внимание к таким старикам, как мы.

– Мне неудобно вас беспокоить, – выдавил Дронго. – Комиссара Брюлея я видел в прошлом году в Алгарве, в Португалии.

– Я об этом читал в наших газетах. Все европейские газеты написали об аресте убийцы, которого вы с ним нашли. Подождите, комиссар Брюлей у меня в номере. Так вот, он возражает против такой формулировки, говорит, что убийцу сумели вычислить именно вы.

– Он, как всегда, скромничает. Без его помощи я ничего не сделал бы...

– Если комиссар Брюлей считает, что убийцу нашли вы, значит, все так и было, – перебил его Доул. – Вы хотите о чем-то меня спросить?

– Да, – отозвался Дронго. – Мне не хочется признаваться, что я предполагаю самое худшее. Скажите, у меня есть время? Или мне нужно ехать в аэропорт прямо сейчас?

Доул молчал ровно две секунды. И оба правильно оценили возникшую паузу.

– Рад, что вы все поняли, – проговорил наконец Доул. – Я на вашем месте выехал бы в аэропорт прямо сейчас. И первым же рейсом вылетел в Москву. Прямо сейчас, – настоятельно повторил он.

– Настолько все плохо? – Дронго постарался задать вопрос спокойно, но дрогнувший голос, кажется, его выдал.

– Я не люблю пугать, но положение слишком серьезное...

– Да уж, если вы вдвоем приехали за мной, похоже, случай почти безнадежный. Что случилось? – И, не дожидаясь ответа, все же решился произнести самое страшное: – Что-нибудь с Джил? Я еще не говорил с ней сегодня...

– Лучше не звоните ей, – вдруг сказал Доул.

– Господи, – пробормотал Дронго, – только этого не хватало! Что-то случилось с ней? Или с детьми?

После рождения второго ребенка Дронго был просто обязан переехать в Италию, чтобы жить вместе с ними. Но проклятая привычка к одиночеству, его ненужная известность и способности аналитика, известные всей Европе, требовали только прежнего образа жизни. Он считал, что не имеет права подставлять свою семью, занимаясь делом, которое ему нравится. Кроме того, это было единственное дело, которое позволяло ему оставаться независимым и зарабатывать деньги, чтобы не сидеть на шее у Джил. Своеобразное сочетание в Дронго западного и восточного человека еще раз ярко проявилось в этом положении. С одной стороны, ему был присущ западный рационализм, с другой – восточная иррациональность. Именно умение выстраивать логические схемы одновременно со способностями мистического предчувствия не раз спасали ему жизнь. В нем удивительно уживались склонность западного человека к свободе и черты восточного деспотизма самостоятельного мужчины.

Как только Эдгар сообщил ему, что в Москву прилетели инспектор Доул и комиссар Брюлей, он сразу почувствовал, что произошло что-то невероятное. И его догадка, как всегда, оказалась правильной.

– Я им позвоню, – отрезал Дронго. Он столько лет пытался вывести семью из-под удара, но вот ничего не вышло.

– Вы их не найдете, – слова Доула причиняли ему почти физическую боль. – Ни один их телефон не работает. Даже ее отец не знает, где она находится. Она и дети...

– Вы хотите сказать, что их похитили?

– Нет. Я хочу сказать, что их увезли. Увезли по нашей просьбе. И единственный человек, который знает, где они сейчас, сидит рядом со мной. Это комиссар Дезире Брюлей. Вот поэтому он и прилетел со мной в Москву. И даже меня не посвятили в эту тайну.

– Спасибо, – пробормотал Дронго, с силой сжимая телефонный аппарат. – Признаюсь, вы меня очень испугали. У меня уже давно не было такого паршивого состояния.

– Так и должно было быть. Брюлей справедливо решил, что они нуждаются в нашей защите. Когда вы к нам прилетите, мы расскажем обо всем подробнее.

– Через полчаса я буду в аэропорту. Кто еще знает об этом?

– Больше никто. Только комиссар Дезире Брюлей. Вы доверяете нашему другу комиссару?

– Как самому себе, – улыбнулся Дронго. – Я не знаю, что у вас случилось, но в любом случае спасибо вам за все.

– Дронго, – услышал он знакомый голос комиссара Брюлея, – я хочу, чтобы ты летел к нам спокойно. Быстро насколько возможно, но абсолютно не волнуясь за свою семью. Я скажу тебе только одну фразу, чтобы ты понял степень опасности и оценил степень надежности. Твоя семья находится в том же убежище, куда отправили и мою жену. Ты все понял?

У Мишеля Доула не было жены, а у комиссара – детей. Дронго часто думал над этим парадоксом. Самые известные сыщики Европы никогда не позволяли себе заводить семьи, словно над ними висело некое проклятие. Фредерик Миллер из Бельгии никогда не был женат. Мишель Доул из Великобритании тоже оставался холостяком. Единственный из них, комиссар Дезире Брюлей, проработавший всю жизнь в Париже, был женат, но не имел детей. Каждый из них словно понимал зависимость их профессии от личных обстоятельств, которые могли помешать успешной деятельности. Кстати, в Америке просматривается такая же картина. Самый известный частный детектив Соединенных Штатов – Рекс Тодхантер ведет замкнутый, уединенный образ жизни, прибегая для сбора необходимых сведений к услугам своих помощников, но, судя по всему, и не помышляет обзаводиться собственной семьей.

Исключением стал лишь один Дронго, но и он предпочитает одиночество, позволив своей семье существовать автономно в Италии, куда он достаточно часто выезжает. И все же случилось то, чего он более всего боялся и чего боятся все самые известные детективы на свете, иногда попадающие в зависимость от личных обстоятельств.

– Спасибо, – поблагодарил он своего собеседника, – я вылетаю немедленно. – И разъединился.

На такой случай у них с Джил был разработан особый код. Она должна поместить в Интернете объявление, которое он ей оставил. Бросившись к компьютеру, Дронго быстро набрал нужный адрес. И улыбнулся. Там было оставлено сообщение Джил об отъезде. «Летим на Мальту. Я вместе с нашими друзьями». Это означало, что она должна срочно уехать с детьми, но не может сообщить, куда именно. Дронго отключил компьютер и бросился в ванную комнату, торопясь побриться и переодеться. Он глянул на часы. Если есть вечерние рейсы, то он еще успеет. Если их нет, придется лететь через другие города, но постараться как можно быстрее попасть в Москву, чтобы увидеться с друзьями, специально прилетевшими для встречи с ним.

В самолете Дронго просматривал газеты. В популярном журнале «Огонек» наткнулся на статью журналиста Фамова о самом себе. «Кто такой этот детектив? – задавался вопросом журналист. И сам же отвечал: – Ни для кого не секрет, что человека по имени Дронго просто не существует. Это целая группа людей, которая разрабатывает байки о невероятных успехах придуманного детектива. Среди них профессиональный писатель, профессиональный сыщик и журналист, обеспечивающий пиар-акции. Вот эти трое и действуют под именем Дронго». Статья называлась хлестко и обидно «Бренд сивой кобылы». Дочитав ее до конца, Дронго отложил журнал, но затем, подумав, вырвал два листка со статьей и, сложив их, убрал в карман.

«Было бы интересно встретиться с этим Фамовым, – подумал он. – В конце концов, это даже комплимент. Он считает, что вместо меня действует целая группа. Интересно, как бы повел себя Фамов в моей ситуации? Или его главный редактор? Кстати, кажется, раньше он возглавлял другое издание...»

Впрочем, уже через минуту Дронго забыл и о статье, и о журналисте. Все его мысли были о предстоящей встрече. Сразу из аэропорта надо поехать в отель. Заехать в свою московскую квартиру он еще успеет. В первую очередь необходимо узнать и понять, что произошло.

Глава 2

Московский отель «Националь» имеет славную и довольно длинную историю. Построенный в 1903 году, он помнит пышные и торжественные дореволюционные приемы. Во время революции почти все центральные гостиницы стали Домами Советов и утратили многое из прежних элементов декора и обстановки – их просто разграбили. В 20-е годы отели были заново отреставрированы, но уже с учетом запросов новой власти. Расположенный рядом с Кремлем, «Националь» считался тогда престижным местом для приема иностранных гостей, среди которых были Уинстон Черчилль, Герберт Уэллс, Анри Барбюс. После Второй мировой войны здание отеля несколько раз ремонтировали, но по-настоящему новые времена для него наступили в середине 90-х годов прошлого века. Тогда «Националь» был впервые не просто подновлен, а перестроен, превратившись в пятизвездочный отель известной сети гостиниц «Ле Меридиан», достойный того, чтобы в нем мог остановиться даже французский президент Жак Ширак.

«Националь», насчитывающий 221 номер, стал одной из лучших гостиниц Москвы. Из его окон открывается великолепный вид на Кремль. Однако ничто не может являться залогом стабильности в нашем стремительно меняющемся мире. К своему столетию отель получил своеобразный печальный «подарок», когда бомба, взорвавшаяся у здания «Националя», выбила в нем стекла и убила в этом, казалось бы, надежно охраняемом месте несколько человек. И хотя охрану после этого увеличили, повсюду расставили телекамеры, а специальные наряды милиции постоянно дежурят на Манежной площади и на Тверской, взрыв тем не менее причинил репутации отеля очевидный ущерб.

Дронго подъехал к «Националю», когда на часах было около восьми. В холле его уже ждал один из сотрудников Интерпола. Он, очевидно, знал Дронго в лицо, так как сразу при его появлении поднялся и коротко представился:

– Антон Евстафьев.

Молодому человеку было лет тридцать или чуть больше. Немного выше среднего роста, серые глаза, волевой подбородок, прямой нос, русые волосы.

– Вы из Москвы? – уточнил Дронго.

– Нет, – улыбнулся Евстафьев, – мы приехали из Лиона, из нашей штаб-квартиры. Но я прикомандирован к Интерполу из Минска, от Белоруссии. Меня послали как офицера, знающего русский язык.

– Ну да, понятно, – кивнул Дронго, – для вас русский язык проходит как иностранный.

– Вообще-то нет, – ответил Евстафьев, – но в Интерполе свои порядки. В моей анкете указано, что кроме родного белорусского я владею английским, французским, русским и украинским.

Они вошли в кабину лифта.

– Я много о вас слышал, – сказал Антон.

– Надеюсь, ничего плохого? – Дронго иногда позволял себе подобные шутки. Что это – своего рода кокетство? Ведь он заранее знал, что именно скажет ему этот офицер Интерпола. Или просто Дронго нуждался в подобных знаках внимания, чтобы продолжать сохранять силы для работы?

– Только хорошее, – подтвердил Евстафьев. – Про вас иногда рассказывают...

– Сказки, – невесело перебил его Дронго, – и ничего, кроме сказок.

Антон недоуменно посмотрел на него, но больше ничего не добавил. Когда они вошли в номер, оба старика поднялись им навстречу. Брюлей, шагнув к Дронго, обнял своего молодого друга. Более сдержанный Доул, не любящий, как и все англичане, демонстрировать свои

чувства, лишь крепко пожал ему руку. Затем представил еще одного человека, находящегося в комнате:

– Это Вирджил Даббс, он приехал с нами. Специалист по расследованиям особо тяжких преступлений из ФБР.

– Очень приятно. – Дронго пожал ему руку и сел за стол.

Остальные расселись тоже, сохраняя немного торжественный и строгий вид.

Комиссару было лет семьдесят. Он давно мог уйти на покой, но предпочел остаться консультантом Интерпола, помогать молодым коллегам. Лицо Брюлея казалось высеченным из камня – его тяжелые, характерные черты запомнились надолго. У Доула, наоборот, несмотря на возраст, сохранилось подвижное лицо. Немного удлиненный подбородок, характерный для англичан, прямой ровный нос, кустистые брови. И вообще он был худощавого сложения, благодаря чему с трудом верилось, что ему уже далеко за шестьдесят. Даббс был темнокожим с не совсем характерной для афроамериканцев внешностью – тонкие, правильные черты лица, карие глаза, на вид лет сорок, чуть выше среднего роста, рукопожатие достаточно крепкое.

Антон Евстафьев устроился в углу на стуле, остальные четверо оказались за столом.

– Приступим, – на правах старшего начал комиссар Брюлей. Перед ним на столе лежала большая, увесистая папка с документами и фотографиями. Он положил ладони на эту папку, словно сдерживая тайну, заложенную в ней, и спросил: – Ты, очевидно, понял, что мы вызвали тебя сюда не просто так? Речь идет о преступнике, равного которому у нас еще не было. Никогда не было.

– Это я уже понял, – пробормотал Дронго, – хотя мне еще не совсем понятно, как один человек мог так напугать весь Интерпол.

– Ты знаешь, что еще во второй половине девяностых годов была создана безвизовая, так называемая Шенгенская зона, – начал свои объяснения Брюлей, – которая объединила почти всю Западную Европу. А с первого января две тысячи второго года в ней даже ввели единую валюту – евро.

– Для всех, кроме англичан, – вставил Доул, – хотя граждане нашей страны все равно имеют право на безвизовый проезд.

– Раньше, когда полиция каждой страны самостоятельно искала своих преступников, – продолжил Брюлей, – таких проблем не было. Появились мошенники европейского уровня, контрабандисты, валютчики, аферисты, но серийные убийцы обычно действовали исключительно в своих странах. И это объяснимо – ведь преступники такого рода не любят действовать в незнакомой обстановке, рискуя нарваться на неожиданность. Они предпочитают выстраивать свои действия по проверенной логической схеме, понятной только им и их извращенному сознанию.

– У вас появился маньяк? – понял Дронго.

– Новый тип маньяка, если хочешь, – мрачно пояснил Брюлей. – Маньяка, разгуливающего по всей Европе и к тому же умело пользующегося последними достижениями компьютерной революции и Интернетом. Серийный убийца двадцать первого века.

– Этого следовало ожидать, – пробормотал Дронго. – Когда открываются границы, этим начинают пользоваться не только добропорядочные граждане, но и всякая нечисть.

– Вот именно, – согласился комиссар. – Впервые упоминание о нашем объекте появилось в английских газетах в девяносто первом году. В Стаффорде – это городок рядом с Бирмингемом в Средней Англии – пропала девушка. Девятнадцати лет. Она должна была выступать на местном празднике, поэтому ее сразу же стали искать. Девушка была своего рода местной знаменитостью. Ее нашли через два часа. Растерзанной. В каком-то заброшенном помещении. Показать снимки? – Комиссар открыл папку, собираясь достать фотографии убитой.

– Не нужно, – торопливо попросил Дронго. – Я ведь никогда не работал в полиции. Мне трудно смотреть на такие мерзости. Лучше сначала все расскажите, а уж потом я посмотрю,

иначе это собьет меня, не позволит сосредоточиться. Вы же знаете, как я ненавижу слушать о таких преступлениях, а тем более их расследовать.

– Это совсем не то, что ты думаешь, – возразил комиссар, но папку закрыл. – В общем, ее нашли в таком состоянии, что двум мужчинам стало плохо. Можешь себе представить, как негодовали жители этого города?! Одного иностранца из Индонезии чуть не линчевали. Он приехал в больницу с разрезанной рукой, и врачи заподозрили, что он и есть тот убийца. Хорошо, у молодого человека оказалось абсолютное алиби. Он весь вечер провел в компании со своими друзьями. Что касается убитой всеобщей любимицы... Полиция подняла на ноги всех своих осведомителей, задействовала десятки агентов, подключила лучших сыщиков, но убийцу так и не нашли. А в конце года, уже в районе большого Манчестера, в Солфорде, обнаружили другую девушку. Первый случай стал широко известен, о нем говорили по всем английским телеканалам, комментировали на Би-би-си. Поэтому второе преступление вызвало подозрение, что действует серийный убийца. Эксперты, осматривавшие тело новой жертвы, пришли к выводу, что в обоих случаях действовал один и тот же преступник, с уверенностью в девяносто шесть процентов.

Дронго глянул на Доула. Тот мрачно кивнул.

– Да, все началось в Англии, – подтвердил он, – но я тогда ни о чем не знал. Вам ведь известно, телевизор я смотреть не очень люблю. Подключился к расследованиям этих преступлений позже, уже на последней стадии.

– Два случая подряд, – безжалостно продолжал комиссар, – с одним почерком убийцы. Сначала молодых женщин еще живых разрезали каким-то острым предметом, предположительно скальпелем. Остались характерные надрезы на руках и на теле. Третье подобное убийство произошло через два года в Шотландии. В октябре девяносто третьего года. В Фолкерке, это между Эдинбургом и Глазго. Фолкерк – небольшой городок. Никто там не видел незнакомца, только одна маленькая девочка запомнила неизвестного ей человека. Видела его со спины, когда он подошел к своей будущей жертве. Среднего роста, в плаще с капюшоном... На этот раз эксперты уверились почти на сто процентов, что действует один и тот же преступник. В Англии тогда предприняли особые меры безопасности. По телевидению чуть ли не каждый день сообщали о том, как идут его поиски, полиция начала проверять всех возможных маньяков и извращенцев.

– Он их насиловал? – глухо спросил Дронго.

– Нет, – ответил комиссар, – ни одного случая. Этот убийца – извращенец, а на такое у него, видимо, сил не хватало. Во всяком случае, никого из этих троих он не насиловал. Психиатры считают, что мучения молодых женщин служили для него особым видом сублимации, заменяющим ему секс. Но это еще не конец. В Англии на этом убийства такого рода прекратились. Позже в Бельгии был схвачен серийный убийца Марк Дютро. Процесс над ним уже начался, ему грозит пожизненный срок. Правда, вся Бельгия вышла на улицы, требуя для него смертной казни. И в России несколько лет назад взяли Чикатило, того самого ростовского маньяка, о котором потом сняли фильм.

– Об этих двух случаях я слышал, – кивнул Дронго, – оба были настоящими психопатами. Бельгийцу, можно считать, повезло больше – Чикатило успели расстрелять. Хотя как сказать. В колониях и тюрьмах свои понятия о справедливости – такие маньяки там долго не живут. Их сразу убивают. И хорошо, если так, иначе их жизнь превращается в настоящий ад.

– Так вот, три года об этом типе ничего не было слышно, – вернулся к рассказу комиссар. – В Англии стали считать, что либо он уехал из страны, либо затаился. Но нам-то с вами известно, что такие убийцы не способны остановиться. Это не в их силах. Синдром крови начинает давить на маньяка, требуя новых жертв. И вот в девяносто шестом в Ангулеме, во Франции, происходит очень похожее преступление. Правда, здесь все получилось несколько

иначе... – Брюлей глянул на Дронго, раскрыл папку, собираясь достать фотографии, но затем, чуть помедлив, снова ее закрыл.

Дронго, проследив за его жестами, отрицательно покачал головой.

– Ты становишься сентиментальным, – с укором заметил комиссар.

– Наверное, – согласился Дронго. – Позже мне все равно придется просмотреть эти страшные снимки. Но хочу немного оттянуть этот момент. Меня все еще воротит от вида крови и истерзанных жертв. Не могу на это спокойно смотреть, мне не хватает вашей выдержки, комиссар. Простите меня.

– На твоём счету столько разоблаченных убийц, – напомнил Брюлей, криво усмехнувшись.

– И тем не менее я до сих пор к этому не привык, – признался Дронго, – мешает какое-то чувство обиды. На Бога, который все это допускает.

– Не нам судить о его замыслах, – возразил комиссар. – Говорю это, хотя я такой же атеист, как и ты.

– А я с ним согласен, – вдруг вмешался Доул. – Я тоже атеист, но у меня вызывает чувство бессильной обиды вид растерзанных женщин. Маньяк должен сидеть или содержаться в больнице, а не разъезжать по странам Европы.

– Продолжим, – предложил комиссар. – Короче, в Ангулеме обратили внимание на характерные разрезы на теле жертвы и послали запрос в Англию. Тело погибшей осмотрели эксперты обеих стран и пришли к выводу, что это дело рук опять же одного и того же убийцы. Таким образом, маньяк проявился снова. К этому времени его уже успели окрестить «стаффордским мясником». Правда, на этот раз эксперты обратили внимание на небольшие отклонения в действиях преступника, словно он торопился или нервничал. Хотя тело нашли в глухом сарае, рядом с которым никто не мог появиться. Но в данном случае маньяк почему-то явно спешил.

Доул достал трубку, чтобы закурить. Брюлей глянул на него и тоже достал свою трубку.

«Придется потерпеть», – меланхолично подумал Дронго, не выкуривший за всю жизнь ни одной сигареты.

– Следующее преступление произошло снова во Франции, – затягиваясь дымом, медленно проговорил Брюлей, – на юге, чуть выше Тулузы, в городке Каор. В этом небольшом городке неизвестного заметил один местный старик, но на большом расстоянии. Это было весной девяносто седьмого.

– Удалось создать фоторобот преступника?

– Нет. Старик видел его на расстоянии пятидесяти метров. Он сообщил, что слышал и мужские крики, но посчитал, что это перекликались пастухи. Увиденный им мужчина показался ему достаточно плотным, широкоплечим, чуть прихрамывающим. Только на этот раз убийца так торопился, что выстрелил в свою жертву.

– Как это выстрелил? И почему вы решили, что это тот же самый маньяк?

– Оставил все те же характерные разрезы. А затем ему будто помешали. Он отошел на несколько шагов и выстрелил. Там, где он стоял, нашли капли спермы. Их отправили на исследование в лабораторию.

– Значит, все-таки сексуальный маньяк? Возбуждается от вида крови и криков своих жертв? – понял Дронго.

– Похоже. Но почему он в тот раз выстрелил, мы пока не знаем. Его оружие проверяли по всей Европе. Выяснилось, что это «парабеллум», который использовали во время войны немецкие офицеры. Достаточно старое оружие для идентификации. Но этот «парабеллум» сейчас зарегистрирован во всех отделениях Интерпола. Стоит из него произвести хотя бы еще один выстрел, и мы убийцу вычислим... Если, конечно, он давно не избавился от этого оружия.

– Что дальше?

– Следующее убийство произошло буквально через несколько дней в Тулузе. Словно маньяк не успел «насладиться» в Каоре и поэтому продолжил свою «работу» в Тулузе. Последующие убийства он совершил в девяносто девятом в Испании, через год – в Голландии, а в прошлом году – в Дании. К тому времени Дания вошла в Шенгенскую зону и заполучила в гости преступника, которому не нужно предъявлять паспорт при пересечении границы.

Воздух в номере наполнился ароматом дорогого табака. Оба пожилых эксперта дымили трубками, глядя на Дронго. Но тот мужественно терпел, ожидая дальнейших объяснений.

– Иногда на месте преступления находили следы спермы, – сообщил комиссар, – но всегда в стороне от убитых. Очевидно, преступнику стало неинтересно просто убивать молодых женщин. И еще ему надоела собственная специфика, и он решил усложнить себе задачу. В Дании расправился не только с молодой женщиной, но и ее супругом. Догадываешься, где работал ее муж?

– В полиции, – негромко выдавил Дронго.

– Да. Вот таким необычным способом маньяк решил бросить всем нам вызов. Этот полицейский был героем – отличился при задержании банды наркоторговцев. А еще через пять месяцев «стаффордский мясник» совершил двойное убийство в Гавре. Там от его рук погибли следователь и его супруга. После этого случая все французские полицейские поклялись друг другу во что бы то ни стало найти эту нечисть. Жена того следователя была в положении. Похоже, этот тип не просто маньяк и убийца, но еще и игрок, который с каждым разом рискует все больше и больше. Последнее время он выходит исключительно на следователей и полицейских офицеров. И нетрудно предположить, что рано или поздно этот «мясник» надумает бросить вызов и лучшим экспертам Европы. А таких экспертов только четверо. Фредерик Миллер сейчас в Египте, он улетел туда несколько дней назад. Остаемся только мы трое – ты, Мишель Доул и я. Ты должен был остаться вне этой игры, так как не живешь в Шенгенской зоне. Убийца понимает, что не может себе позволить показывать паспорт на границе, иначе мы его сразу вычислим. Поэтому он действует только в Европе. И поскольку твоя семья была в Италии, мы решили, что ее нужно оттуда убрать. Мою жену и твою семью. Вот почему сегодня мы здесь, а ты прилетел к нам, чтобы выслушать нашу версию.

– Все? – спросил Дронго. Что-то попало ему в горло, и он закашлялся.

Даббс поднялся и принес ему стакан воды.

– Нет, не все, – безжалостно ответил комиссар. – Два месяца назад он набрался наглости прислать сообщение на наш интернетовский сайт о том, что следующее убийство он совершит в Бельгии. И действительно, ровно через месяц убил судью в Льеже – молодую женщину двадцати девяти лет. И даже прислал фотографии убитой.

– Откуда послал?

– Из обычного интернет-клуба в Кельне. Никто его там не запомнил. Какой-то мужчина заплатил деньги и получил доступ к компьютеру. Ведь в таких местах не проверяют документов.

– А сейчас он объявил новый маршрут? – неожиданно спросил Дронго. – Верно?

Брюлей вытащил трубку изо рта и посмотрел на Доула, будто предлагая ему ответить на этот вопрос.

– Да, – подтвердил Доул. – Объявил, что нанесет следующий удар в Италии. Через семь дней.

Глава 3

В комнате повисла тишина. Даббс, стараясь не шуметь, пересел на место слева от Дронго. С правой стороны от него сидел Мишель Доул, напротив – комиссар Дезире Брюлей. Дронго смотрел на папку, лежавшую перед комиссаром на столе, и словно уже видел фотографии, на которые так не хотел смотреть. Папка выглядела довольно объемистой, и было очевидно, что фотографий набралось уже большое количество.

– Почему здесь представитель ФБР? – поинтересовался Дронго.

– Мистер Даббс координатор нашего проекта из ФБР, – пояснил Евстафьев, заметив, что ни один из экспертов не собирается отвечать на этот вопрос.

– У нас бывают проблемы схожего характера, – мягко пояснил Даббс. – Мы даже создали своего рода «Компьютерпол» – международную полицию, которая отслеживает различные чаты в Интернете. Пытаемся найти порнодельцов и педофилов. Проверяем, кто выходит на их сайты, узнаем их пароли, читаем сообщения. Это проблемы международного масштаба.

– Не сомневаюсь. Отклонения от нормы в человеческой психике можно встретить в любой стране и в разных частях света. Только вот почему в последнее время таких типов стало появляться все больше и больше? Может, нужно ввести некую генетическую экспертизу на всех малолетних?

– И как их отличать? – поинтересовался Даббс. – Вы думаете, можно вычислить некий ген агрессивности? И даже если такой ген когда-нибудь смогут определить, где гарантия, что его носитель не станет чемпионом мира по боксу или самым лучшим каскадером Голливуда? Или известным бизнесменом? А может, даже президентом страны? Всем этим людям тоже нужен свой ген агрессивности. Не у всех он обязательно несет порочные наклонности.

– Это я понимаю, – согласился Дронго и, обращаясь к комиссару, спросил: – А как он убивает мужчин? Как и женщин?

– Нет. – Брюлей чуть не выругался. – С ними он, очевидно, не получает такого удовольствия. Их он убивает ножом. Или похожим предметом. Слева направо. Одним точным ударом.

– Значит, не левша, – заключил Дронго. – У вас есть данные по анализу его ДНК? Что говорят эксперты?

– Мужчина. Лет сорока или сорока пяти. Белый. Структура ДНК обычная, никаких нарушений или изменений. У него редкая группа крови – третья. И отрицательный резус-фактор.

– Не такая уж редкая, – заметил Дронго, – у меня тоже третья группа и отрицательный резус-фактор. Надеюсь, меня еще не подозревают в этих преступлениях?

– Нет, – ответил Доул, без тени улыбки. – Вы слишком высокого роста. Вас свидетели обязательно запомнили бы.

– Эксперты уверены, что это один и тот же человек, – повторил Брюлей. – Мы нашли его сперму в Каоре, Льеже и в Гавре. Во всех случаях это был один и тот же человек. Если его, конечно, можно считать человеком. Ты видишь, на старости лет я становлюсь излишне патетичным.

– Он из Англии? – спросил Дронго, обращаясь к Доулу.

– Не уверен, – мрачно отозвался тот. – Но судя по всему, да. В последние годы в нашей стране количество таких типов почему-то увеличилось.

– Я читал, – кивнул Дронго, – психологи считают, что существует некая аномалия в районе Ростова, это на Северном Кавказе, где появляются различные маньяки. Может, и в Англии появилась такая же «аномалия»?

– Мы проверяем все факты, – сообщил Доул, раскуривая трубку. – В конце прошлого года был приговорен к пожизненному заключению Энтони Харди – так называемый «камденский потрошитель». Мне пришлось заниматься его делом. Знаете, как мы на него вышли? В

январе две тысячи второго года у него в доме был найден труп молодой женщины. Эксперты дали заключение, что женщина умерла от сердечной недостаточности. Дело закрыли, хотя было понятно, что Харди страдает психическими отклонениями. Его отправили на принудительное лечение и через несколько месяцев выпустили. А как только выпустили, он заманил к себе двух молодых женщин, задушил их, затем расчленил тела пилой и ножом. В мусорном контейнере обнаружили останки погибших, и тогда полиция пригласила меня. – Доул говорил бесстрастно, излагая факты. – Но моей помощи не потребовалось. Инспекторы почти сразу нашли фотографии сорока четырех жертв этого психопата. Выяснилось, что он был помешан на порнографии и таким необычным образом удовлетворял свою страсть. Тогда решили, что «стаффордский мясник» и «камденский потрошитель» – одно и то же лицо, но я был уверен, что это не так. Маньяк Харди не мучил своих жертв. Ему они были нужны лишь в виде объектов для его удовольствия. Поэтому все его жертвы погибали от удушья. Ему не требовалось кромсать их живыми.

Дронго поморщился:

– Вы знаете, я уже готов отсюда сбежать. Терпеть не могу слушать о таких психопатах. Это самое ужасное, что может быть в нашей профессии.

– Мы обязаны его остановить, – твердо заявил Брюлей. – Продолжайте, мистер Доул.

– В последние годы были разоблачены Джон Кристи из Ноттинг-Хилла и супруги Уэст из Глостера, – сообщил Доул. – Первого обвинили в убийстве шести человек, а супруги Фреды и Розмари Уэст убили девять человек, заманивая их в свой дом. Это все реальные факты, Дронго, и, похоже, вы правы, когда говорите о возможном существовании какой-то «аномалии». Но поиски конкретного преступника, о котором мы сейчас говорим, ни к чему не привели. «Стаффордский мясник» не просто преступник и не обычный психопат. Это какой-то новый тип маньяка, появившийся в двадцать первом веке. Умный, внимательный, наблюдательный, хитрый, мобильный, жаждущий, чтобы о его преступлениях узнал весь мир, использующий последние достижения Интернета. – Он помолчал и добавил: – И неприятный.

Опять наступило молчание. Даббс кивнул головой в знак согласия, но ничего не сказал. Брюлей сопел, посасывая погасшую трубку.

– Дайте мне вашу папку, – мрачно попросил Дронго.

Комиссар подвинул ему папку с документами и фотографиями.

– Как только появилось сообщение об Италии, мы решили увезти оттуда твою семью, – пояснил он. – А заодно убрали из Парижа и мою супругу. Этот тип может блефовать, а нам нельзя так рисковать. Ты не поверишь, если я скажу, что в Англии находится под наблюдением полиции семья брата мистера Доула.

– Я теперь во все поверю, – пробормотал Дронго, открывая папку. Было заметно, как он волнуется, рассматривая фотографии. Бесстрастный аналитик в этот момент куда-то исчез. – Перед тем как сюда приехать, – сказал он, – вы наверняка проанализировали все имеющиеся у вас факты и нашли какие-то общие черты, характерные для этого «мясника».

– Я занимаюсь этим делом уже второй год, – сообщил Доул, – и у меня, конечно, есть некоторые наблюдения.

– Какие? – Дронго продолжал разглядывать чудовищные снимки. Невозможно было представить, что перед ним люди, когда-то радовавшиеся жизни, строившие свои планы, имеющие друзей, родителей, детей... Но еще страшнее был разительный и невероятно эффективный по своему эмоциональному воздействию контраст между этими фотографиями и фото-портретами жертв, сделанными при жизни.

– Все убийства совершались вблизи железнодорожных станций, – сообщил между тем Доул. – Стаффорд находится к северу от Бирмингема, о чем уже говорил комиссар Брюлей. А шотландский город Фолкерк, это вообще небольшая железнодорожная станция между двумя основными городами Шотландии. Я провел там несколько дней. Убийца приехал из Глазго и

уехал в Эдинбург, а убийство совершил в ста метрах от станции. Ровно в ста метрах. Очевидно даже, что он высмотрел молодую женщину на вокзале. А возможно, она приехала с ним в одном поезде из Глазго. И он вышел следом за ней...

Дронго смотрел на убитую в Фолкерке женщину. На первой фотографии, где она была снята с сестрой, она еще улыбалась. У нее была мягкая, доверчивая улыбка. Дронго почувствовал, как дергается левая щека.

– До Ангулема все действия убийцы проходят по одной схеме, – продолжил Доул, – но затем он несколько изменил свой стиль. Убийства в Ангулеме, и особенно в Каоре, не вписываются в его обычный «почерк». Похоже, он стал заранее готовиться к своим преступлениям, чего не делал до Ангулема. А последние несколько лет разыскивает молодых женщин, смерть которых принесет ему еще большую известность. И конечно, два подряд убийства мужчин – это вообще нехарактерно для такого рода маньяков. Им обычно не нужна слава. Им нужно совсем другое. Но убийства были. В Оденсе и в Гавре.

– В Оденсе есть музей Ганса Христиана Андерсена, – задумчиво произнес Дронго, отрываясь от фотографий.

– Что? – не понял Доул.

– Оденсе – это городок в Дании, где родился Андерсен, – невесело пояснил Дронго, – я там бывал. Вы знаете, какие замечательные сказки он писал?

Доул и Брюлей переглянулись. Они не понимали, о чем говорит их молодой коллега. Даббс улыбнулся. И только Антон Евстафьев поддержал разговор:

– Мне бабушка читала его книги: «Оловянный солдатик», «Снежная королева», «Русалочка»...

– Интересно, а этому мерзавцу кто-нибудь читал сказки Андерсена? – в сердцах спросил Дронго и захлопнул папку. – Все, – произнес он твердо, – мне вполне достаточно того, что я увидел. И так теперь эти фотографии будут у меня перед глазами всю жизнь. Если вы приехали сюда, чтобы рассказать мне об этом «мяснике», то этого мало. Мы должны его найти. Найти и передать в руки родственников погибших. Чтобы эту мразь... – Он замолчал, сжимая кулаки.

– Ты не так молод, чтобы поддаваться эмоциям, – неодобрительно заметил комиссар Брюлей. – Если мы его найдем, то передадим в руки английского правосудия. Или французского. Но ничего больше сделать с ним не сможем. И ты это прекрасно знаешь.

– Ваш европейский гуманизм вас погубит, – сердито пробормотал Дронго. – Вы уже получили психопатов, которые разгуливают по Европе без границ. Кстати, «мясник» появился в Дании сразу после того, как там открыли границы. Скандинавия и Дания вошли в Шенгенскую зону с две тысячи второго года? По-моему, вы сказали об этом.

– Верно, – кивнул Брюлей. – Нам абсолютно ясно, что этот тип передвигается только в пределах объединенной Европы и не собирается рисковать. Он достаточно умный, если можно так сказать, а его последние преступления – точное свидетельство его пристрастий. О следователе из Гавра написали сразу несколько европейских изданий, и эти сообщения появились в Интернете. О судье из Льежа тоже были сообщения в Интернете. И о полицейском из Оденсе также прошла информация в Интернете.

– Остается уточнить, кто читал эти сообщения, – предложил Дронго.

– Больше пяти миллионов человек, – заявил Даббс, – мы это знаем. Но проверить каждого из пяти миллионов невозможно.

– А сообщение из Кельна? Разве нельзя было снять отпечатки пальцев? Может, все-таки кто-нибудь его там запомнил?

– Никто, – отрезал Даббс. – В этот день в интернет-клубе было много посетителей, а он, судя по квитанции, находился в нем не более трех минут. Только для того чтобы отправить свое сообщение в Интерпол. И предупредить нас насчет Италии.

– Италия, – повторил Дронго, словно пробуя это слово на вкус. Затем взглянул на Доула и спросил: – Мистер Доул, если я выскажу одну теорию, вы на меня не обидитесь?

– Постараюсь, – ответил тот. – В любом случае я привык с уважением относиться к чужому мнению, а тем более к мнению такого специалиста.

– Нет, нет. Это сугубо субъективное мнение. Мне кажется понятным, почему разного рода маньяков и извращенцев сравнительно мало в южных странах – в Италии или Испании. Хотя населяющие эти страны люди гораздо более темпераментно выражают свои чувства. По моему, дело в том, что там существует культ семьи, культ матери. С детских лет ребенок чувствует любовь окружающих его родственников. К сожалению, подобного нет в скандинавских или в англосаксонских странах, где ребенок бывает несколько отчужден от семьи. Там вся система воспитания направлена на всестороннее развитие ребенка, но она не дает ему того эмоционального тепла, которое получают южане. Может, поэтому самые благополучные страны – Норвегия и Швеция занимают первые места по суицидам? Там больше всего людей одиноких и предпочитающих добровольно уйти из этой жизни. Да, система воспитания детей в Англии признана во всем мире. Она делает из мальчиков джентльменов, образцовых мужчин, отличных политиков и бизнесменов. Но отнимает у человека частицу детства, которым мы все так дорожим. Может, поэтому именно у вас, в Англии, родился Гарри Поттер, как мечта о мальчике, сумевшем преодолеть одиночество и отчуждение родственников?

– Интересное наблюдение. – Доул принялся во второй раз заполнять трубку табаком. – Возможно, вы правы. Во всяком случае, у итальянцев действительно мало суицидов.

– И там силен культ матери, – еще раз повторил Дронго. – Ведь все эти маньяки и извращенцы родом тоже из самого детства. Что-то не срабатывает, и обычный человек неожиданно превращается в психопата. Я думаю, что нам нужно будет понять, почему он убивает. И каким образом намечает свои жертвы.

Брюлей согласно кивнул. Доул промолчал. Он снова задумался. Сидевший за столом Даббс быстро сказал:

– Три самых лучших аналитика Европы против маньяка. Думаю, у «стаффордского мясника» нет ни одного шанса.

– Сначала его нужно найти, и желательно до того, как он убьет еще одну женщину, – напомнил Брюлей. – Я так понял, что ты полетишь вместе с нами в Италию? – обратился он к Дронго.

– Да, – ответил тот, – обязательно. Я не люблю патетики, но это наш долг, комиссар. И вы знали с самого начала, что я поеду с вами. Даже если бы маньяк решил проявить себя в любой другой точке Европы.

– А вы не подумали, что он специально послал такое сообщение? – вдруг спросил Даббс, обращаясь ко всем трем экспертам.

– В каком смысле? – не понял Доул.

– Что, если это западня? Западня для одного из вас? – предположил Даббс.

Эксперты переглянулись и молчаливо предоставили право ответить комиссару Брюлею.

– Нет, – сказал комиссар. – Ему важно не просто убить, но еще и получить при этом удовольствие. Боюсь, наши старые тела ему его не доставят.

– Я не был бы так категоричен, – наконец пошутил Дронго, – мое тело ему может понравиться больше, чем ваше, месье комиссар. Вы не учитываете огромную разницу в возрасте.

– Хорошо, – согласился комиссар, – отдадим ему вас – нашего молодого друга. Только в любом случае убийца будет охотиться на женщину. Из этого и следует исходить.

– Когда он отправил свое сообщение из Кельна, он как-то его подписал? – поинтересовался Дронго.

– Да, – ответил Даббс. – И довольно необычно – Ангел Боли. Вот так поэтично.

– Неужели он читал Гумилева? – нахмурился Дронго. – Может, он из эмигрантов.

- Я вас не понял, – признался Вирджил Даббс.
- У русского поэта Гумилева есть такое стихотворение. Правда, написал он его очень давно. Девяносто лет назад. И посвятил его женщине.
- Возможно, совпадение, – предположил Даббс.
- А если нет? – вставил Доул. – Нужно будет еще раз проверить.
- Когда мы вылетаем в Италию? – задал последний вопрос Дронго.
- Завтра утром, – ответил Брюлей. – Мы уже заказали билеты и для тебя тоже.

Глава 4

В эту ночь Дронго спал плохо. Способность видеть цветные сны была одной из его особенностей, но самое поразительное заключалось в том, что он почти всегда помнил свои сны. Вот и теперь ему всю ночь снились жертвы маньяка, а их лица неуловимо напоминали Джил. Утром в аэропорту Дронго был мрачнее обычного. Комиссар Брюлей обратил внимание на его состояние.

– Ты плохо спал? – спросил он.

– Я вообще плохо сплю перед полетами, – признался Дронго, – не люблю летать.

– Вот этого я о тебе не знал, – пробормотал комиссар. – В следующий раз попрошу, чтобы тебе заказали билет на поезд.

– Надеюсь, следующего раза не будет, – улыбнулся Дронго.

В салоне самолета его место оказалось рядом с Мишелем Доулом. Англичанин сел в кресло, испытывая явный дискомфорт от того, что не может насладиться своей трубкой. В самолетах почти всех европейских компаний на борту курить запрещено. Дронго попросил у стюардессы стакан водки и томатный сок с лимоном. Доул удивленно приподнял бровь.

– А мне только газированную воду, – попросил он.

Стюардесса выполнила заказ обоих пассажиров. Дронго смешал водку с томатным соком и залпом выпил.

– Вы нервничаете? – поинтересовался Доул.

– Из-за полета, – пояснил Дронго, – не люблю летать.

– В Европе это всегда не так далеко, – напомнил Доул, – легко пережить. Я тоже не особенно люблю самолеты, но зато это самый быстрый способ передвижения из всех, которые доступны нам в начале двадцать первого века.

– Прогресс, – горько заметил Дронго. – Зато в двадцать первом веке появляются такие маньяки, как «стаффордский мясник». Раньше его остановили бы на первой же границе и мы имели бы точную картину всех его перемещений. А сейчас он свободно путешествует по Европе, пользуясь своим статусом. Я все время пытаюсь себе представить, что он чувствует, как выглядит.

– И что-нибудь придумали? – полюбопытствовал Доул.

– Мне почему-то кажется, что он брюнет. В крайнем случае шатен, но никак не блондин.

– Италия, – мгновенно понял Доул.

– Да. И он не должен особо выделяться в толпе. Если бы он имел достаточно яркую внешность, отличающую его от южных итальянцев, то не выбрал бы Италию. И не появлялся бы в южной Франции или в Испании.

– Мы об этом думали. Но среди англичан тоже много людей с темными волосами. Среди европейцев встречаются разные типы. А как вы думаете, почему он прихрамывает? Может, инвалид?

– Я обратил внимание на слова комиссара. Возможно, у него были какие-нибудь травмы, которые сказались на его сексуальной активности? Или он прихрамывал именно в тот день, когда его видели? Не знаю. С одной стороны, такой маньяк может иметь некую физическую ущербность. Но с другой, он должен быть достаточно сильным и уверенным в себе человеком, если решается совершать свои преступления в разных местах Европы. Обычно маньяки так не действуют, они пытаются заманить женщин к себе.

– Поэтому я и сказал, что он достаточно мобильный человек, – нахмурился Доул. – После преступлений, совершенных в Англии, у него появилась некая уверенность, на которую мы обратили внимание вместе с комиссаром. Все три преступления в Англии и Шотландии зафиксированы рядом с железнодорожными вокзалами. Тогда наш «мясник» еще боялся отойти

далеко от станций, как будто они связывали его с возможностью бегства. А уже в Ангулеме вышел в город и начал охоту, оторвавшись от станции.

– Может, он железнодорожник? – предположил Дронго. – Может, надо проверить всех железнодорожников, работавших на местных линиях в период, когда совершались убийства?

– Мы проверили все возможные варианты, – ответил Доул, – всех служащих, всех проводников, машинистов, стюардов в вагонах первого класса. Проверяли три месяца, но не нашли никакой зацепки.

– Если ему лет сорок или сорок пять, значит, первое преступление в Стаффорде он совершил примерно в двадцать пять или двадцать шесть лет. А что он делал до этого? Может, на его счету другие убитые женщины?

– Мы просмотрели все преступления, совершенные до девяносто первого года, – пояснил Доул, – но раньше таких жертв в полиции не было зарегистрировано. Вы же видели фотографии. Там очень специфические разрезы, как будто работал художник. Словно чертил и любовался своей работой. Кстати, всех художников мы тоже проверили. И всех зарегистрированных больных, страдающих различными маниями и отклонениями. Но ничего не нашли. Поэтому мы так и встревожены. А «мясник» между тем начал меняться. Почувствовал уверенность. И его как будто подменили. Я провел несколько дней с экспертами, все пытался понять, может, под именем «стаффордского мясника» действует уже другой человек. Но все эксперты считают, что это один и тот же тип. Нет, не считают – они в этом уверены. А это самое опасное. «Мясник» начал искать жертвы в Интернете, ему хочется славы, известности. Он уже посылает нам фотографии своих жертв, бросает вызов. Это абсолютно нетипичный случай.

– Фотоаппарат, – задумчиво произнес Дронго. – Вы проверяли, каким фотоаппаратом он делал снимки?

– Проверяли. Обычный цифровой аппарат. Никаких особенностей. Он сделал снимки и переслал нам дискетку, не распечатывая фотографии, иначе мы могли бы определить место распечатки по бумаге, которую он использовал.

– Нет, я не об этом. Если во всех последних случаях он использует фотоаппарат, то значит, и на новом месте преступления должен будет появиться с ним.

– Правильно, – кивнул Доул, – и мы дадим ориентировку итальянской полиции искать его и по этому признаку. Хотя в Италии каждый второй турист с фотоаппаратом. Если не все подряд.

– Он не приедет с туристами, – возразил Дронго. – Он должен быть один. Мы знаем его примерный возраст, знаем его группу крови, знаем, что он чуть выше среднего роста. Брюнет или шатен. И еще он должен уметь обращаться с компьютером, быть на «ты» с Интернетом, иметь с собой фотоаппарат, скальпель, нож, пистолет. Тот самый «парабеллум» или другое оружие. Мы многое о нем уже знаем и не знаем ничего.

– У Даббса есть идея, как использовать Интернет в виде западни для этого убийцы, – поделился Доул. – Но он обещал рассказать вам об этом в Италии.

Дронго понимающе кивнул. Даббс и Брюлей сидели перед ними и о чем-то тихо переговаривались. Антон Евстафьев оказался в третьем ряду рядом с женщиной необъятных размеров, похожей на американку.

Доул достал плед и, укрывшись, задремал. Дронго не мог спать в самолете. Он продолжал размышлять. Доул считает, что убийца несколько изменился. Там ведь был перерыв в два года после убийства в Шотландии. Нужно понять, что именно произошло в Шотландии. Два убийства подряд во Франции резко отличались от других. Значит, нужно еще раз внимательнее рассмотреть последнее преступление в Шотландии. Доул говорил, что убитая женщина приехала из Глазго. И был свидетель, который видел, как убийца шел за своей жертвой, а затем подошел к ней. Вполне возможно, что они ехали вместе. И убил он ее недалеко от станции. Что же там произошло такого, что он испугался? Потом два года никаких убийств. Или убийства

были, но он прятал тела своих жертв? Нет, непохоже. Этот тип не стал бы прятать тела. Если он их фотографирует и еще пересылает в Интернет, значит, ищет такой печальной славы. Прятать жертвы – не его стиль.

Дронго покосился на дремавшего рядом Доула. В Англии провели колоссальную работу, но не смогли найти убийцу. Может, почувствовав, что его ищут, маньяк уехал на континент? После трех убийств в Великобритании спокойно перебрался во Францию, затем Голландию, Данию, Бельгию. Теперь вот отправляется в Италию. Похоже, решил использовать всю западноевропейскую географию.

Дронго закрыл глаза. Нужно постараться представить себе тип мышления этого маньяка. Много лет назад Дронго пригласили в один закрытый институт, где произошло загадочное убийство молодой женщины. Все считали, что действовал маньяк, так как в институте одновременно обнаружили и какие-то порнографические журналы. Затем произошло и второе убийство. Теперь казалось, не может быть никаких сомнений в том, что в институте действительно появился какой-то помешанный, причем мужчина, ибо среди подобных психопатов почти никогда не бывает женщин. Но убийцей оказалась именно женщина. Несчастливая женщина, потерявшая разум после смерти первого супруга и так сильно ревновавшая своего второго мужа, что совершила два убийства подряд, пытаясь выдать их за действия маньяка. Правда, психиатры и тогда утверждали, что «бред ревности» все же более характерен для мужчин, хотя в итоге согласились, что он мог проявиться и у женщины, попавшей в тяжелую аварию.

Но в Италии против них точно будет мужчина. С экспертами трудно спорить в таких вопросах. Раны на жертвах, найденная сперма, анализ ДНК... И еще нужно исходить из того, что он достаточно умный и внимательный, как говорил Доул.

«Кто ты?» – спросил про себя Дронго, словно мог рассчитывать, что ему ответят.

А что он вообще знает о преступниках такого рода? Что они часто действуют по одной и той же схеме и не любят неожиданных ситуаций, понимая, что могут ошибиться. Чикатило, например, кажется, ездил на поезде. И находил девочек и девушек недалеко от железнодорожных станций или прямо на станциях. Насиловал, мучил несчастных, убивал. Дронго вспомнил лицо ростовского изувера. Разве можно было предположить, что маньяк, которого искала вся российская милиция, имел такой обычный вид? Что у него есть жена и дети? Или что у Чикатило окажется такое редчайшее отличие, когда группа крови не совпадает с группой спермы? А ведь именно по этой причине сотрудники милиции, поймав убийцу, вынуждены были его отпустить, как не причастного к преступлениям. Вот об этом, кстати, нужно всегда помнить и проверять возможного преступника по всем параметрам. Хотя случай с Чикатило теперь известен всем экспертам Европы. Наверняка больше никто не допустит такой ошибки.

– Извините, – услышал Дронго над собой голос и открыл глаза. Перед ним стоял Даббс. Кресло в соседнем ряду, ближе к проходу, пустовало, и американец уселся в него, явно намереваясь поговорить.

– Хотите со мной побеседовать? – понял Дронго.

– Да. – Даббс оглянулся. Многие пассажиры дремали, некоторые читали журналы и газеты. – Я хочу поделиться с вами моим планом.

– Что-то связанное с нашими поисками?

– Вот именно. Я предложил его комиссару Брюлею, но он нашел мой план слишком опасным.

– В чем опасным?

– Преступник ищет известных людей в Интернете. Все три молодые женщины, которых он убил в последнее время, были именно такими. Либо они сами, либо их мужья. Поэтому они и попали в Интернет, когда там писали об известных следователях и судьях.

– И что вы предлагаете?

– У нас в запасе еще шесть дней. – Даббс оглянулся назад, чтобы проверить, слушает ли их кто. – За это время мы можем создать образ такого популярного следователя. Либо мужчины с женой, либо молодой женщины. Последнее предпочтительнее, дабы не пугать нашего «клиента».

– Я думаю, он не из пугливых, если решился на убийства в Гавре, Льеже и Оденсе.

– Мы тоже так думаем. Но он решил использовать Интернет, чтобы начать свою игру. Нужно попытаться ему «подыграть» и зацепить его на этот крючок.

– Вы хотите создать «приманку»? – понял Дронго. – Думаете, он способен на нее клюнуть?

– Во всяком случае, нужно попытаться. Иначе мы будем бегать за ним по всей Европе. Он может начать убивать уборщиц в полицейском управлении или машинисток, работающих в суде. То есть находить несчастные жертвы по формальным признакам, если действительно собирается мстить всем сотрудникам правоохранительных органов. Вы представляете, сколько молодых женщин работает в полиции, налоговой службе, в судах и прокуратуре и вообще в разных учреждениях, связанных с итальянской Фемидой? Плюс к этому нужно еще проверять всех мужчин, у которых есть молодые подруги, то есть практически девяносто процентов всего личного состава. По-моему, это нереально.

– По-моему, тоже, – согласился Дронго. – Вот только адвокатов можете исключить. Преступники обычно их не трогают, они их уважают. Понимают, что нельзя рубить сук, на котором сидишь, иначе в будущем лишишься поддержки.

– Это вы так считаете, – возразил Даббс, – а у этого типа вообще нет никакого понятия о чести и справедливости. Убил беременную женщину, зная о ее положении. Это ведь было видно. Я уж не говорю о том, что преступники обычно не трогают семьи полицейских, зная, что в таких случаях их не берут живыми. Но наш «клиент» не собирается сдаваться ни при каких обстоятельствах. Поэтому мы включили в наш список и адвокатов. А у всех этих людей есть еще и дочери, и племянницы, и внуки. В общем, всех их уберечь – задача просто нереальная.

– Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что, найди того, не знаю кого, – немного переиначив известную поговорку, пробормотал Дронго.

– Что? – не понял Даббс.

– Я с вами согласен, – кивнул Дронго, – но боюсь, ваши методы категорически не понравятся нашим более опытным коллегам. Комиссар Брюлей вообще против подобных авантюрных предложений, а господин Доул может его поддержать.

– Обязательно поддержу, – пробормотал Доул, не открывая глаз.

– Я думал, вы спите, – улыбнулся Дронго.

– Мне показалось важным услышать, о чем говорят двое моих коллег, – заявил Доул, открывая глаза. – Вам не кажется, что, подставив таким образом молодую женщину, вы подвергнете ее неслыханному риску? И учтите, у нас очень мало времени. Вы не сможете организовать подходящего исполнителя, выбирать придется из тех, кто уже известен.

– У нас уже есть два кандидата, – быстро возразил Даббс, – мы договорились с итальянской полицией. Одна – судья, и другая – сотрудник полиции. Обе молодые женщины, уже достаточно популярные в Италии. Первой – двадцать девять, второй – двадцать семь. Молодые, симпатичные, незамужние. У обеих есть друзья, но о них нигде не сообщалось. Я думаю, мы должны рискнуть, иначе наши поиски окажутся неэффективными.

– Я буду против, – отрезал Доул, снова закрывая глаза, – хотя, может, вы и правы. Но это очень опасно...

– Вы анализировали его сообщение? – поинтересовался Дронго у Даббса. – Обороты речи, возможные профессиональные навыки, по которым можно создать характеристику личности?

– Он образован, начитан, имеет неплохой кругозор. В текстах присутствует некоторая ирония. А вот снимать он не умеет, фотографии получились не очень хорошими. Эксперты обратили внимание на скрытый вызов, некую истеричность, какая бывает у людей, желающих привлечь к себе внимание, – пояснил Даббс. – Естественно, мы разложили все тексты по буквам, анализировали каждое слово, каждую запятую.

– И никаких зацепок?

– Никаких. Но эксперты считают, что он достаточно состоятельный человек. Это не обычный психопат или неудавшийся неврастеник. А с такой характеристикой человек не может быть таким сексуальным извращенцем. Он может быть убийцей, может получать удовольствие от мучения своих жертв, но подобные раны не станет им наносить. Раны должны быть гораздо глубже и совсем другими. Одним словом, некоторые наши психиатры считают, что он может страдать «раздвоением личности». Или оказаться исключительно умным, хитрым убийцей, который намеренно вводит нас в заблуждение. Это предположение лично мне кажется более правильным.

Глава 5

В аэропорту Фьюминчино их встречали представители итальянского бюро Интерпола и Министерства внутренних дел. Всех гостей разместили в отеле «Юлий Цезарь», находящемся на другой стороне Тибра, ближе к Ватикану, почти рядом с рекой, – в тихом, относительно спокойном районе, где почти не слышно шума машин. В этом районе многие улицы носят имена древнеримских консулов и императоров. Две соседние параллельные улицы названы именами Гнея Помпея и Юлия Цезаря, а сам отель находится на улице Сципиона. Пройдя немного дальше, можно выйти на проспект Колы де Риенцио, который ведет к Ватикану.

Приезжие договорились через час спуститься вниз, чтобы обговорить предстоящие действия, и разошлись по номерам. Дронго принял душ и переоделся. До назначенного времени еще оставалось около получаса. Он решил немного пройтись и вышел из номера.

На улице в полдень почти не было людей, несмотря на мартовскую погоду, достаточно комфортную и прохладную для столицы Италии. Дронго задумчиво прошел по улице, приведшей его к реке. Здесь был мост, построенный одновременно для метро, которое в этом месте выходит на поверхность, автомобилей и пешеходов. Дронго перешел мост и вышел к Народной площади – одной из самых известных в Вечном городе. Он знал, что отсюда можно попасть и в центр города, и пройти в сады Боргезе, но времени для дальних прогулок уже не было, поэтому пришлось повернуть обратно. Возвращаясь к мосту, Дронго заметил двух молодых людей на мотоцикле. По строгим европейским правилам дорожного движения оба молодых человека были в шлемах. По тротуару шла женщина лет пятидесяти, очевидно иностранка, впервые попавшая в этот район. Она растерянно озиралась по сторонам, сверяясь с картой города и, видимо, пытаясь определить, где именно находится.

Дронго стоял на углу следующей улицы, дожидаясь, когда на светофоре загорится зеленый свет. Около него появилась молодая женщина, собиравшаяся переходить дорогу вместе с ним. В этот момент мотоцикл, едущий слева, набрал скорость, моментально поравнялся с иностранкой, которая продолжала изучать карту, и сидящий на заднем сиденье молодой человек вырвал у нее сумку. Пожилая женщина не успела даже крикнуть. Только выронила карту и смотрела вслед удирающим парням. Мотоцикл поравнялся с Дронго. В этом месте, чтобы свернуть на мост, он должен был затормозить. И в ту же секунду стоящая рядом с Дронго молодая женщина неожиданно бросила под колеса мотоцикла свою сумочку. Водитель, не ожидавший подобного маневра, резко затормозил, чтобы избежать столкновения. Его пассажир чуть не выпал. А молодая женщина, метнувшая сумочку на землю, вдруг протянула руку и выхватила украденную сумку у незадачливого воришки.

Дронго успел только улыбнуться. Мотоциклисты, сообразив, что подставились, свернули на мост и умчались. Молодая женщина подобрала свою сумку и подошла к замершей иностранке.

– Будьте внимательнее, синьора, – улыбнулась она ей.

– Спасибо. Я даже не думала, что такое может случиться... – поблагодарила та.

– Иногда случается, – констатировала спасительница. Обе говорили по-английски, но у молодой женщины был отчетливо выраженный итальянский акцент. – Что вы здесь делаете?

– Мне нужно пройти в Ватикан, но, кажется, я заблудилась.

– Нет, нет, отсюда недалеко. Только вернитесь и пройдите по другому мосту. Там будет красивое здание дворца Кавура. От него выйдете прямо на Ватикан.

– Спасибо. Большое спасибо. – Пожилая иностранка сложила карту, убрала ее в сумочку и зашагала в противоположную сторону.

Молодая женщина поспешила выйти на мост, двигаясь следом за Дронго. Они вместе обогнули здание отеля, и Дронго увидел, что она тоже собирается войти внутрь. Он открыл

дверь и придержал ее для молодой отважной незнакомки. У нее было немного вытянутое лицо, типичное для итальянок, лучистые глаза, тонкие губы, нос с горбинкой. Женщина была в темных брюках и в легкой кожаной куртке.

– Пожалуйста, – произнес по-итальянски Дронго.

– Спасибо, – кивнула она и вошла в отель.

В «Юлии Цезаре» от входа в холл к портье ведет лестница. Молодая женщина прошла мимо Дронго, вдыхая аромат его парфюма, затем поднялась на несколько ступеней и вдруг, обернувшись, спросила:

– Вы Дронго?

Ему казалось, что он всегда готов к любым неожиданностям. И все-таки такого поворота не ожидал. Откуда молодой женщине известно его имя? Разве они раньше встречались?

– Извините, – она перешла на английский, – вы меня не знаете. Но я почувствовала аромат вашего парфюма и поняла, что это вы. Вы ведь всегда употребляете «Фаренгейт»?

– Да. Но думаю, что мне уже пора менять парфюм, раз меня так легко узнать.

– Не легко. Но я много о вас читала. По-моему, в Интернете про вас несколько тысяч сообщений. И вся Европа знает, что вы употребляете «Фаренгейт», любите одежду от Валентино, а обувь – от Балли.

– Ходячий рекламный ролик, – пробормотал Дронго, – придется сменить пристрастия. Иногда у меня это получается. Простите, но с кем я разговариваю? Хотя, погодите. Попытаюсь угадать. Вы ведь офицер полиции?

– Да, – улыбнулась женщина, протягивая руку, – Луиза Фелачи.

Рукопожатие у нее было крепкое, почти мужское.

– И вас пригласили сюда по просьбе сотрудника ФБР Вирджила Даббса? – уже невесело спросил он.

– Верно, – у нее была приятная улыбка, – вы и это знаете?

– Догадался. – У него испортилось настроение. Ему совсем не хотелось, чтобы в качестве «наживки» Даббс использовал эту женщину. Очень не хотелось.

Она заметила, как у Дронго изменилось выражение лица. Впрочем, он и не собирался скрывать своих чувств. Молодая женщина ему понравилась. Именно поэтому он не мог представить себе ее в противостоянии с маньяком, которого они ищут.

Они вместе поднялись в холл, где их уже ждали. За столиком расположились все приехавшие гости и присоединившийся к ним комиссар Террачини. Дронго был с ним знаком уже несколько лет, с тех пор как в римском отеле «Хилтон» на горе Монте-Марио произошло двойное убийство и он помог обнаружить истинных виновников той загадочной трагедии.

Увидев, что Луиза садится рядом с Даббсом, Дронго нахмурился. Даббс представил ее остальным, объяснив, что итальянская полиция выбрала офицера Фелачи для работы с ними.

Брюлей покачал головой:

– Мы же договаривались, что не будем прибегать к такой уловке. Это слишком опасно и для синьоры Фелачи, и для всех нас. Комиссар Террачини, мне кажется, что мы обговорили все еще до нашего приезда и вместе пришли к выводу, что нам не стоит пользоваться услугами ваших людей.

У Террачини были красные глаза, какие бывают у людей от постоянного недосыпания. Дронго отметил, что за последние годы он несколько раздобрел, а в его густых черных волосах и тонких усиках над верхней губой появилась проседь. Выслушав своего французского коллегу, комиссар устало сказал:

– Мы обговаривали нашу позицию два дня назад. Но с тех пор произошли некоторые изменения, синьор Брюлей. Мое руководство настаивает на таком варианте. Они считают, что мы не можем позволить неизвестному убийце разгуливать по нашей стране, терроризируя всех молодых женщин. Мое руководство не может согласиться с таким вариантом. Мы, конечно,

верим, что лучшие эксперты-аналитики Европы, собравшись вместе, сумеют гораздо быстрее найти этого убийцу, чем наши специалисты, но у нас нет возможности сидеть и ждать, пока вы его схватите. У меня приказ министра. Извините меня, синьор комиссар, но по-другому я не могу. – Помолчав немного, Террачини поинтересовался: – А что вы сделали бы на моем месте?

– Поступил бы так же, – признался комиссар Брюлей. – В наших ведомствах не обсуждаются приказы руководства, иначе это будут не полицейские участки, а публичные дома. Или сборище безответственных болтунов.

По лицу Доула было видно, что он не согласен с мнением двух комиссаров полиции, но предпочитает ничего не комментировать.

– Мы усилили дежурство на железнодорожном вокзале и в аэропортах, – сообщил Террачини, – примерное описание маньяка роздано всем нашим офицерам. Если он приедет в Рим поездом или прилетит самолетом, мы его вычислим. Начиная со вчерашнего дня, все прибывающие в Италию люди фиксируются на пленку во всех терминалах нашего международного аэропорта. Проверяются все белые мужчины в возрасте от тридцати пяти и до пятидесяти лет. Особое внимание обращается на хромящих гостей. Это все, что мы смогли пока сделать. Наши эксперты предлагают проверять кровь прибывающих, объявив это началом борьбы с ВИЧ-инфекцией, но такое решение еще не принято.

– Будете задерживать всех гостей с третьей группой крови? – понял Дронго.

– Если понадобится, будем. Но повторяю – такое решение не принято.

Дронго обратил внимание, как Антон Евстафьев смотрит на Луизу. Она тоже заметила его взгляд и улыбнулась ему в ответ. Дронго смущенно отвел глаза.

«Но почему бы и нет? – подумал он. – В конце концов, они оба молодые: ей двадцать семь, а ему, наверное, около тридцати. Им еще интересно этим заниматься, они радуются жизни. Стоп. Кажется, я впервые в жизни начинаю брюзжать как старичок. Раньше я такого за собой не замечал. Почему я подумал, что они молодые люди? У нас ведь не такая уж большая разница в возрасте. Нет, нет, не нужно себя обманывать. Очень большая разница, просто фантастическая. Когда они родились, две системы еще противостояли друг другу. Но обе рухнули еще в их детстве, и эти ребята выросли совсем в другом мире. У них другой опыт жизни, другая ментальность. Молодая женщина из Италии и молодой человек из Белоруссии. Конечно, они тоже разные, но у них нет моего опыта восьмидесятих годов, когда мы все были втянуты в эти проклятые войны, в это вечное противостояние друг другу. Нас воспитывали с убеждением, что весь мир поделен на белое и черное, а мои поездки за границу каждый раз воспринимались как особое доверие руководства и особое событие.

Им легче контактировать друг с другом, чем со мной. Я отягощен злом, как почти все сегодняшние пятидесятилетние и шестидесятилетние. А молодые люди, которым нет еще и тридцати, вступают в жизнь в полной уверенности, что она всегда была такой. И конечно, для Луизы Фелачи я человек из далекого прошлого. Мне сорок пять, а ей только двадцать семь. Поэтому ей больше нравится Антон Евстафьев, чем люди другого поколения и другого времени. Так и должно быть».

– Необходимо все еще раз проверить в Кельне, – предложил Доул.

– Нужно послать туда офицера Интерпола. Просмотреть все отели города на то число, изучить расписание поездов. Откуда он мог приехать и куда мог уехать.

– Кельн – огромный город и большой транспортный центр Германии. Там столько поездов приходит и уходит, – напомнил Террачини.

– Согласен. И все же можно пройти по всем отелям. Думаю, он не стал бы приезжать в чужой город только для того, чтобы выйти в Интернет. Он не совершил там убийства. Значит, мог побыть какое-то время в городе, чтобы осмотреться, выбрать людное место и лучший момент для посещения интернет-клуба и отправки нам сообщения. Я убежден, что пару дней он там пожил. Надо проверить не только отели, но и маленькие гостевые дома, квартиры, кото-

рые сдаются внаем, мотели. Думаю, будет правильно, если я полечу в Кельн вместе с господином Евстафьевым. У нас есть еще шесть дней.

– Как хотите. – По лицу Антона было видно, что ему не хочется уезжать из города, где его партнером могла стать столь приятная женщина.

– Мы с комиссаром Террачини будем координировать действия полицейских и карabinеров, – предложил Брюлей, – а вам, господин Даббс, предстоит обеспечить надежную охрану вашей подопечной. Надеюсь, что синьор Террачини уже предпринял необходимые меры защиты.

Дронго подумал, что это к лучшему. Ему было бы трудно работать с такой напарницей. Она слишком яркая и чересчур независимая. С такими всегда трудно, особенно когда пытаешься обеспечить их безопасность.

– Нет, – возразил Даббс, – я буду заниматься нашей «игрой» в Интернете. Мне нужно за несколько оставшихся дней убедить нашего знакомого, что лучший объект для него – Луиза Фелачи. Мы покажем ее по телевидению, расскажем о ней во всех журналах и крупных газетах. Сделаем из синьоры Фелачи звезду, чтобы он на нее клюнул. И везде будем указывать ее адрес. Поэтому мне лучше заниматься своим делом. А рядом с синьорой Фелачи я предлагаю побыть нашему эксперту. – И он показал на Дронго.

Антон тяжело вздохнул и чуть покраснел. Даббс удивленно глянул на него, но ничего не сказал.

– Да, – согласился Брюлей, – похоже, это оптимальный вариант. Хотя я по-прежнему считаю его очень рискованным. Такие провокации маньяков иногда плохо заканчиваются. В моей практике было несколько неприятных моментов. Но если с синьорой Фелачи будет Дронго, мне спокойнее. И еще один вопрос. Глядя на синьору Фелачи, я обратил внимание, что она неуловимо похожа на жертвы нашего «мясника». Немного вытянутое лицо, длинные волосы, красивые глаза, крупная грудь. Это совпадение или вы специально подбирали такого человека под вкус нашего «мясника»?

– Конечно, подбирали, – ответил Даббс. – Я говорил об этом мистеру Дронго. Мы подбирали кандидата с учетом мнения наших психологов. Для этого связались с итальянцами и целых десять дней искали подходящего человека. Просмотрели более трехсот кандидаток на эту роль.

– Тогда все понятно. – Брюлей посмотрел на Дронго и вдруг улыбнулся: – Кажется, я начинаю вам завидовать, месье. Вы проведете время в компании с очаровательной молодой женщиной. Не знал, что в Италии есть такие красивые офицеры полиции. Я всегда считал, что это особенность только моей страны.

– Мерси, – улыбнулась Луиза. – Между прочим, моя бабушка француженка. Из Ниццы.

– Я это сразу почувствовал, – ответил галантный комиссар Брюлей.

Дронго подумал в этот момент, что Дезире Брюлей еще совсем не пожилой. Или вообще молодой, конечно, если смотреть на это с его точки зрения.

Глава 6

Нужно было найти подходящий дом, который легко контролировать со всех сторон. И вместе с тем это жилище не должно было вызвать подозрений у преступника, обещавшего появиться в Риме через несколько дней.

Полиция предложила на выбор несколько старых домов на виа Тибуртина, за вокзалом. Остановились на небольшой квартирке с учетом интересов сотрудников полиции, которые оборудовали ее наблюдательными камерами по всему периметру. Луиза переехала в эту квартиру, и ее адрес появился в Интернете вместе с сообщением о ней как о лучшем офицере полиции Рима, имеющем на счету более двенадцати задержанных преступников, в том числе двоих – особо опасных. В этом не было никакой подтасовки. Синьора Фелачи действительно занималась грабителями и ворами, правда, задержание всех указанных преступников осуществлялось силами ее отдела. Несмотря на протесты самой Луизы, все успехи отдела за последние годы было решено приписать ей. Разумеется, об этом знали ее коллеги в отделе, но, понимая, какую важную миссию она выполняет, ничего не комментировали.

Уже на следующий день статьи об известном офицере полиции появились сразу в нескольких газетах, а выпуск тиража известного журнала даже приостановили, чтобы сменить в нем кое-какие материалы на фотоочерк об очаровательной синьоре Луизе Фелачи.

Прошло еще два дня. Доул и Евстафьев улетели в Кельн, Даббс занимался своей работой с настойчивостью лучшего рекламного агента страны, Брюлей и Террачини продумывали очередные меры по задержанию маньяка, который вот-вот должен был появиться в городе. И только Дронго чувствовал себя не у дел. В эти дни он несколько раз встречался с Луизой, поражаясь ее энергии и силе воли. Узнал, что она была ранена два года назад, после чего проникся к ней еще большей симпатией. А в этот день решил пригласить ее в ресторан, понимая, что их будут сопровождать несколько агентов. Но такие «походы» также входили в планы Вирджила Даббса.

На виа Систина, недалеко от испанской лестницы, в ресторане «La Tavernetta» они заказали себе столик. Рядом устроились двое сотрудников полиции. И еще четверо засели в соседнем кафе, наблюдая за рестораном. Разумеется, их расходы оплачивала итальянская полиция, а потому денег участникам такой акции выдала в весьма ограниченном количестве. Но Дронго вообще от них отказался, справедливо посчитав, что удовольствие от общения с симпатичной молодой женщиной нельзя получать на деньги итальянских налогоплательщиков. Поэтому, когда он сделал заказ, Луиза удивленно посмотрела на него.

– Террачини разрешил вам такие траты? – поинтересовалась она.

– Он меня убил бы за подобное расточительство, – пошутил Дронго. – Разумеется, нет. Это я пригласил вас, и отнюдь не для того, чтобы подыграть нашему американскому другу Даббсу.

– Вы думаете, что у нас может получиться? – спросила она.

– Не знаю. Мне очень не хочется, чтобы этот маньяк появился рядом с вами. Но, с другой стороны, его нужно взять, чтобы положить конец этому кошмару в Европе.

Луиза была в темно-сером платье. Свой плащ она сдала в гардероб. Любуясь ее длинными, красивыми волосами, Дронго подумал, что она могла бы сниматься в кино, а вместо этого вынуждена изображать из себя живую мишень для опасного садиста.

Официант разлил вино в пузатые бокалы, и Дронго поднял тост за здоровье своей спутницы. Сидевшие рядом сотрудники полиции заказали себе кофе и с недовольными выражениями на лицах следили за ними. Особенно явно недовольство читалось в глазах одной женщины, которая бросала на Луизу выразительные взгляды.

– Им не очень нравится, что мы здесь устраиваем, – тихо произнесла Луиза, – и я их вполне понимаю. Мы пьем вино, а они должны нас еще и охранять.

– Луиза, я не думаю, что кто-то из женщин захотел бы поменяться с вами местами, – возразил Дронго. – У вас очень сложная задача.

– А я так не считаю, – усмехнулась она. – Если он попытается появиться рядом со мной, то его сразу схватят. И даже если рядом не окажется никакой охраны, все равно мы с вами его не отпустим. Поэтому у него нет никаких шансов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.